

Маме

КНЯЗЬ АНТОН И СЛУЖАНКА ЗОГА

(вымышленный рассказ о людях, которых не было)

Княжича Вильгельма из дома Гесслеров по несчастной случайности подстрелили на охоте, когда жизни его было всего пять лет. Гусь взлетел, захлопав крылами, ружье грянуло в чаще, ребенок упал на землю, задержался и закричал. Крик пронесся над лугом, ударился о стволы тополей и запутался в камышах, но собаки, которые были натасканы на лис да уток, прибежали к маленькому тельцу княжича, лишь когда оно уже затихло. Стрелявший — грубый волопас, прокравшийся в охотничьи угодья в надежде разжиться фазаном, — тем же вечером, в приступе глубокой скорби, свел счеты с жизнью, оставив по себе молодую вдову, бессвязное покаянное письмо и неразрешимую загадку — как может человек покончить самоубийством, дважды выстрелив себе самому из револьвера в затылок?

Вильгельм был одним из двух братьев-близнецов. Рыженький мужичок-с-ноготок, он уже в четырехлетнем возрасте наловчился попадать в спугнутого с гнезда вальдшнепа и посылать в поле сокола или борзую. За несколько дней до смерти он получил в подарок свое первое охотничье ружье, настоящий «манлихер», даром что миниатюрных размеров, сработанный лучшим оружейником Европы Элиягу Натаном из города Монастира.

С того дня мертвый отрок стал повелевать живыми родителями. Осиротевшая мать за огромные деньги приобрела «Пьету» кисти Джанини и повесила ее в комнате

погибшего сына. Скорчившись в три погибели в его маленькой кровати, она теперь часами лежала там, глядя на сияющее тело распятого и черпая силы в могучей фигуре его матери, что известна среди искусствоведов под названием «Мадонны Робусты», или «Крепчайшей», ибо Джанини изобразил Деву крупной широкоплечей женщиной с острыми и маленькими, как у мальчика, сосками и длинными мускулистыми руками. Что же до князя-отца, то он запер свой фамильный охотничий павильон на все засовы, запечатал его двери сургучом и стал искать утешение в двух других занятиях, издавна известных своим целительным влиянием на душу мужчины, а именно — в коллекционировании и в научных изысканиях. Он копил крылатые фразы, собирал миниатюры и микрографические надписи и изучал феномен стигматов у верующих католичек. Сегодня он известен как первый, кто описал знаменитый случай Луизы Лато — бельгийской белошвейки, ладони которой каждую пятницу сочились кровью.

Княжич Антон, близнец покойного Вильгельма, не раз поднимался к матери, умолял ее встать с постели мертвого братца и пачками таскал ей ее любимые любекские марципаны, но увы — княгиня не поддавалась ни на его мольбы, ни на соблазны. Она поднималась лишь в полночь, брела в дворцовую пекарню и там, со всхлипами и рыданиями, уминала одну за другой свежеспеченные булки, а если шел дождь, то обычно выходила наружу, чтобы волосы ее намокли под ливнем. Смерть сына в считанные месяцы превратила ее в распухшую толстуху с вечно хлюпающим носом и побагровевшими от слез глазами. Она наняла известного детского портретиста Эрнста Вебера и из недели в неделю описывала ему черты лица покойного сына. Вебер нарисовал сотни детей, которые выглядели подлинными мертвецами, но она ни одного из них не признала за своего. В конце концов решение, однако, нашлось: был вызван французский фотограф Марсель де Вин, который сфотографировал лицо самой княгини во время ее рассказов о сыне, и после

некоторой ретуши портрет покойного Вильгельма был признан поразительно достоверным.

Миновали годы. Отец и мать укрылись — каждый за стенами своей личной скорби, а князь Антон из милого ребенка превратился в избалованного и капризного юнца. С рождения преследуемый чувством, будто братец держит его за пятку, он не увлекался охотничьими радостями и предпочитал делить свой досуг между женщинами, забавами и модными колясками. Равенство и братство, эти «французские болезни», как называл их князь-отец, в те дни уже утратили свое былое очарование, но князь Антон, трактуя эти идеи на свой лад, продолжал одарять равной любовью женщин различных сословий, не пренебрегая ни высокородными дамами, ни девицами из простонародья, — в его постели все они выглядели совершенно одинаково. Как правило, князь предлагал себя дамам на банальный французский манер: «Не хотите ли разделить со мной ложе, сударыня?» — но произносил эти слова с неким наивным бесстыдством и даже как бы слегка задыхаясь от страсти, одновременно прижимая свои тощие ляжки к телу собеседницы достаточно плотно, чтобы та не могла усомниться в твердости его намерений.

Князь был изысканным и занятым кавалером; он утверждал — и даже демонстрировал на личном примере, — что самыми замечательными любовниками являются эгоисты, и снискал себе репутацию незаурядного знатока — в основном в области чувственных удовольствий, изощренного сладострастия и утонченной безнравственности. По ночам он спал в постели, наполненной маленькими куколками из соболиного меха, с тончайшей ласковостью которого не могла бы соперничать даже нежность самого опытного прикосновения, а каждое утро, после того как старая нянька, припудрив ему кожу в самых чувствительных местах, кончала его одевать, в спальню вступали двое молодых слуг с зеркалами в руках и начинали медленно обходить стоящего князя, дабы он мог удостовериться, что его отражение великолепно во всех без

исключения ракурсах. Завтрак ему подавался «точно через два с половиною часа после восхода солнца», и в целях исправного ведения кухонных дел придворный астроном составил специальную таблицу с временами солнечных восходов — таблицу, которую способны были понять даже его швабские повара. Ел князь с тарелок, по ободку которых золотыми буквами было выведено: «Noni soit qui mal y pense», то есть «Стыд маловерам», а строгость его требований к свежести пищи была столь велика, что для него построили специальный павильон — с бассейном для угрей, который заполнялся проточной водой, с небольшим, до блеска вычищенным загончиком, где проводили свою последнюю ночь маленькие телята и поросята, и с печью из ютландского кирпича, которую топили торфом и которая выпекала восхитительные булочки.

Однако свое самое прославленное (и широко засвидетельствованное) проявление изысканность князя Антона нашла даже не в делах, связанных с пищей, а в том, как застенчиво и томно он приспускал веки, когда освобождался от вод, — словно его благородное лицо не желало принимать решительно никакого участия в делах более низменных частей тела. В силу этой привычки несколько капель неминуемо оставались на мраморных плитах его маленькой комнаты, и, когда он был ребенком, нянька получила приказ придерживать пальцами крохотный признак его мужественности, нацеливая таковой в нужную сторону во время отправления малых природных потребностей. Когда же князь настоял на том, чтобы такая практика продолжалась и в зрелом возрасте, эта его причуда приобрела широкую известность и со временем стала одной из самых забавных и самых сладостных услуг, предлагавшихся в избранных публичных домах Европы. В Польше она получила название «Есть у нас маленькая лейка», в Испании ее прозвали «Слепой бык», во Франции — «Выстрел во тьму», а в венских заведениях именовали просто «Князь и его нянька». Все эти факты зафиксированы и подтверждены документами, и сомневающиеся могут проверить это, обратившись к известной книге Кол-

дуэлла и Мартена «Образ жизни в европейских дворцах XIX столетия», хотя, конечно, на свидетельства всех исторических хроникеров, и, в частности, указанной пары сочинителей, было бы неразумно полагаться вслепую.

Во втором томе своего сочинения Колдуэлл и Мартен утверждают, что в потворстве своим прихотям князь Антон уступал лишь одному человеку на свете — кардиналу Бодуэну из Авиньона. Князь Антон действительно видел в этом кардинале образец для подражания, заучивал наизусть его сочинения и старался следовать ему во всем. Между прочим, сей Бодуэн из Авиньона был также известным путешественником и исследователем. Он оставил несколько томов иллюстрированных «Эллинистических мозаик в землях Леванта», где утверждал, что известное свойство мозаичных изображений, словно бы следящих взглядом за зрителем, куда тот ни идет, порождается обыкновенным и легко устранимым косоглазием. В возрасте пятидесяти лет кардинал присоединился к наполеоновским армиям в их походе на Восток и весьма удачно отыскал на Святой земле безмерно вожаделенную реликвию — крайнюю плоть новорожденного Иисуса. Несколько лет спустя он отправился во второе путешествие, на поиски молочных зубов Иисуса-младенца, но на сей раз исчез без следа.

Стоит ли напоминать, что вследствие Иисусова вознесения на небеса его крайняя плоть и молочные зубы являются единственными останками его телесной ипостаси? Даже величайшие из скептиков, включая еретиков, которые отрицали самое Святую Троицу, и те признавали, что крайняя плоть Спасителя не поддается тлену, а сияние его молочных зубов не тускнеет со временем. Многие искали эти божественные реликты, и многим, подобно упомянутому Бодуэну, довелось пожалеть о своем намерении. Самый известный пример представляет собой Болдуин Четвертый, этот нечувствительный к боли король крестоносцев, который покрывшись проказой, едва лишь увидел Иисусову крайнюю плоть. Этот

случай описан в знаменитых мемуарах его наставника, Уильяма из Тира, и нет нужды пересказывать его здесь вновь. Менее известные жертвы, к примеру немецкий путешественник Клаус из Кельна и датская ясновидица Пия Шудман, добравшиеся в поисках этих реликвий до Иерусалима, были тотчас охвачены неодолимым стремлением к одиночеству и уединились от мира, один — в пещере под Терапионом, а другая — в монастыре Плача Господня.

Но были и другие благочестивые люди, которые не только не пострадали, но и ухитрились, счастливы, найти совершенно неисчислимое множество Иисусовых крайних плотей, так что протестантский священник Август Гримгольц в своей книге «Францисканские мошенничества» даже заметил, что, если сшить все эти ложные обрезки кожи Спасителя воедино, из них стало бы сделать громадный шатер и разом уложить в нем на ночлег всех тупоголовых крестоносцев, взошедших в Иерусалим. Этот Гримгольц, однако, известен как скептик и пьяница — достаточно упомянуть, что он разделял гипотезу Гордона о местоположении Голгофы и даже позволил себе высказать сомнение в подлинности «Подвязки Пресвятой Богородицы» — той самой, что привез из Святой земли Микеле ди Прато, — хотя она источала отчетливый запах девственницы.

Но такова уж ирония судьбы, что ныне все это кануло в бездну забвения, и сегодня имя кардинала Бодуэна известно лишь благодаря нескольким примитивным экспериментам, поставленным во времена его юношеских дурачеств в католической школе в Тулоне, в ходе которых он установил, что задницу удобнее и приятнее всего подтирать молодым гусенком. «Сначала клювиком, а потом пухом», — объяснял молодой воспитанник семинарии своим ликующим друзьям, и эта фраза: «*Premièrement, le bec. Ensuite, la plume*» — стала девизом всех тех, кто мог позволить себе такое удовольствие. Князь Антон, родившийся спустя годы после исчезновения кардинала, также внес ее в список своих принципов и заповедей и повелел

своему домоправителю закупить для выращивания и размножения небольшую стаю гусей, которая постоянно поставляла бы гусят для его серьезных естественных отправлений.

Князь не был лишен и научных замашек. В дополнение к модным экспериментам по созданию летательных аппаратов тяжелее воздуха, которыми в ту пору увлекались все поголовно, а также к попыткам усовершенствования парового велосипеда — этого огнедышащего и медлительного устройства, извергавшего дым и трубные звуки, — князь посвятил несколько лет своей юности исследованиям в области генетики и астрономии. Он пытался вывести чистый гомозиготный вид белых ворон, а также наблюдал звезды из особой спальни, стеклянный потолок которой был отполирован и обрел форму гигантской линзы. По ночам эта линза увеличивала звезды, а днем ее занавешивали черной тканью, ибо она невыносимо раскаляла помещение и однажды даже изрядно поджарила двух молодых итальянок, разоспавшихся там до позднего утра.

Здесь уместно заметить, что как раз в тот год князь Антон заключил священный союз обручения и его невестой стала австрийская принцесса Рудольфина — коровиная блондинка, обладательница выдающегося бюста и такого же состояния, навязанная ему отцовскими советниками. Масштабы ее интеллекта и тела находились в обратном отношении друг к другу, и известна она была, главным образом, благодаря устрашающему запаху изо рта, того рода запаху, которого не может заглушить даже пепел сожженных корней миртового дерева. Кружевные воротнички и широкие шелковые склоны груди принцессы были постоянно усеяны трупиками насекомых и бабочек, что случайно попали — несчастные крохи — в зловонную струю ее дыхания.

За несколько месяцев до назначенной свадьбы князь Антон объявил родителям, что хочет отправиться на Восток. Князя не затронуло — упаси Боже — поветрием, что захватило многих аристократов, по преимуществу анг-

лийских, с тугими кошельками и уймой свободного времени, одурманенных чарами Востока и его жителей. Ничего подобного! Он всего лишь хотел загодя собрать небольшую копилку впечатлений и воспоминаний, которые скрасили бы страдания и скуку, ожидавшие его по ту сторону бракосочетания.

«Ибо что есть супружеская жизнь, — цитировал он своему отцу высказывание каталонского поэта Хуана Хименеса, — как не скучная и пыльная дорога, ведущая нас напрямик к смерти». Княгиня-мать, которая к этому времени от избытка скорби, дождя и хлеба уже напоминала гигантскую губку, в очередной раз разразилась слезами, но князь-отец, этот собиратель афоризмов, не смог скрыть улыбки и даровал сыну разрешение и деньги, необходимые для путешествия.

Он лишь поставил ему одно условие — войдя в Иерусалим, обратиться к его стенам со знаменитыми последними словами Генриха Пятого: «Если Всевышний дарует мне Мафусаилов век, я вас завоюю», — а затем, в соответствии с традицией рыцарей-храмовников, к ордену которых принадлежал и гесслеровский род, пройти с закрытыми глазами по Виа Долороза, мысленно представляя себе каждый предсмертный шаг Иисуса.

Князь Антон вызубрил на память самоновейшие путеводители Клеменса и Мелвилла, а также книги их старинных предшественников, Странника из Бордо и Ганноверского Пилигрима, и собрал себе свиту из советников, дипломатов, гусят, телохранителей и ученых мужей. Он даже распорядился подготовить свою легкую двуколку и белого коня знаменитой липицианской породы. Своего еврейского врача, доктора Реувена Якира Пресьядучу, он тоже взял с собой, равно как и свою преданную рабыню Зогу — огромную албанку, которой янычары в детстве перерезали голосовые связки. Немая, она тем не менее была достаточно сильна, чтобы на руках относить князя в постель в те ночи, когда он превышал меру возлияний и распутств, а после смерти няньки взяла на себя также обязанность направлять его струю в унитаз. Красивая и